

ГАСТАРБАЙТЕР

ОЛЕГ МИНКИН

Олег Гаврилович Минкин

Гастарбайтер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74138121

Гастарбайтер. Стихотворения и Баллады:

ISBN 978-9-907291-93-5

Аннотация

Поэзия Олега Минкина поначалу может показаться не очень современной, но это впечатление постепенно исчезает по мере прочтения книги Дело видимо в том, что поэт не слишком озабочен формальным поиском, изыском, внешними эффектами. Его сфера другая – личный мир. внутренняя состоятельность, выяснение отношений с собой, что возможно и есть то, к чему по гамбургскому счету именно и призвана настоящая поэзия. По сути, в этой небольшой книжке перед нами проходит целая жизнь, с её жаждой гармонии, счастья и любовной полноты.

Содержание

Белобог	6
Несвижские портреты	7
Приснился мне умерший город под небом багровым...	8
Подражания Данте	9
Мотыльки	9
Вечный вырай[1]	10
Святые	11
Дуда[2]	12
Радимичи	14
Лесное озеро[3]	15
Прелюдия[4]	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Олег Минкин Гастарбайтер

Стихотворения и Баллады

© Минкин О.

Поэзия Олега Минкина поначалу может показаться не очень современной, но это впечатление постепенно исчезает по мере прочтения книги. Дело видимо в том, что поэт не слишком озабочен формальным поиском, изыском, внешними эффектами. Его сфера другая – личный мир, внутренняя состоятельность, выяснение отношений с собой, что возможно и есть то, к чему по гамбургскому счету именно и призвана настоящая поэзия. По сути, в этой небольшой книжке перед нами проходит целая жизнь, с её жаждой гармонии, счастья и любовной полноты. Метод, часто используемый поэтом – перевоплощаться в разнообразных обличьях, эпохах, как бы создавая некоторую своеобразную литературно-историческую перекличку действующих лиц. Но это всего лишь внешняя фабула, конструкция, за которой одна и та же судьба, все та же человеческая драма главного героя, обреченного на тотальное одиночество, хотя первоначально все было задумано совершенно по другому, как будто ничем не предвещая случившегося. Похоже, поэтический герой книги оказался Гастарбайтером не столько в силу внешней необ-

ходимости, неудачных обстоятельств, сколько из-за постигшего его внутреннего краха, личной трагедии, приведшей к отчужденности, к тотальному и какому-то беспросветному пессимизму. Простота формы никого не может обмануть, перед нами по-настоящему глубокая лирика, истинность переживания не вызывает никаких сомнений. Несомненна и высокая поэтическая культура автора книги, опирающаяся на традицию, которая вовсе не делает её старомодной, но напротив придаёт книге актуальный и на мой взгляд долговременный смысл.

Белобог

Тут повсюду бессмертный порядок его:
Под травую, под кожей, под тонкой корою,
И наружу – сквозь синего льда вещество —
Родниковая кровь проступает порою.

А когда умирающий город клянёт
Свой удушливый чад, тесноту и бессилье,
Белобог долгожданной прохладой прильнёт
К чёрным зданьям, вздымающим крыши, как крылья.

Признак слова и духа его в старине,
Полумёртвой, и в песне сквозит недопетой.
И в печальных глазах твоих, кажется мне,
Тень мелькает и меньше становится света.

Несвижские портреты

В том зале, где тени скользят над паркетом,
Блуждает мой взгляд по старинным портретам.
Слой лака покрыл, незаметен и тонок,
Надменные лица панов и панёнок.
И я созерцаю спесивые позы
И скрытые в тонкой насмешке угрозы.

Луч вынырнул, как бы случайно, из мрака.
Охотничья нюхает воздух собака.
Узор на камзоле, кольцо и монисто
Сверкает светло, равнодушно и чисто.
Нет, здесь ни один не слышал, безусловно,
О сумрачной страсти и пытке духовной.

И вздрогнул я в страхе почти суеверном:
Так много знакомого в жесте манерном.
И я с удивленьем следил молчаливым
За этим лицом, притягательно-лживым.
И жадные губы казалось готовы
Шепнуть мне одно ядовитое слово.

Приснился мне умерший город под небом багровым...

Приснился мне умерший город под небом багровым,
Разрушенный город, навек уходящий в песок...
На мраморных плитах мелькает змеи поясок
По стёршимся буквам, которым не быть уже словом.

Повсюду осколки героев, царей и влюблённых,
И чёрная трещина лоб рассекла божества.
И только двух глаз колдовская горит синева
Из прошлого светит незыблемо, неутолённо.

Подражания Данте

Мотыльки

Я оказался в полной тишине,
Среди стволов я нёс своё дыханье,
И ощущал я как бы затуханье
Пространства, света, времени во мне.

И донеслось внезапно, как во сне,
Прозрачных тонких крыльев трепетанье,
Беззвучный хор, нестройное рыданье,
Соната скорби на одной струне.

«Дышать! Дышать!» – угрюмый хор тянул.
И он сказал: «Ты слушаешь моление,
Что шлёт ко мне больное поколение,
Кто, не войдя, обратно повернул.

В младенчестве им не дали глотка
Испить, припав хотя б на миг к Отчизне:
Без слов, без смысла выпало из жизни
Отродье человека-мотылька!»

Вечный вырай¹

И я увидел в небе череду
Бесплотных зданий, что летели низко
При тусклом свете солнечного диска,
Пытаясь зацепиться на лету

За ветви чёрные... но превращалась в грязь
Листва хрустящая от каждого касанья,
И жалобно скулили люди-зданья,
Над головой бессмысленно кружась.

И он сказал: «Ты различаешь тех,
Кто лес чужой пытался сделать гуще,
Когда сгорала отческая пуша,
И это был единственный их грех.

Запомни стон, распластанный вокруг:
Изгой так клянчит о своём жилище.
Но мёртвый лес, глухое пепелище
Не возродится от безмерных мук!»

¹ Вырай – стая птиц, улетающая в южные края.

Святые

Я видел женщину: как тысяча свечей
Лицо нездешней красотой сияло.
А рядом с ней толпа святых стояла,
Напоминавших чем-то палачей.

Наперекор самим себе они
Вопили в ужасе искусанными ртами
И всё секли несчастную кнутами...
И я спросил: «Кто это? Объясни!»

И он сказал: «Трусливые сердца,
Те, кто жалел Отчизну безучастно,
И в час, когда она была несчастна,
Из тёплых нор не поднимал лица.

Обречены вовек её пытаться —
И, словно пух, повязки с глаз слетели.
Стонала твердь, а всё они хотели
В глубоких норах жиром обрастать!»

Дуда²

О том не напрасно молва толковала,
Что дед мой был мастер играть на дуде.
С сумой и дудой самодельной, бывало,
Не разлучался дед мой нигде.

Так тихо и нежно дуда его пела,
Что громким казалось гуденье шмеля.
Когда же от горечи горькой хрипела,
То прочь из-под ног уплывала земля.

И тот, кто отмечен тоской безнадежной,
Напев её слышал издалека.
И было отречься уже невозможно
От этой мелодии и языка.

А помер мой дед, и в чащобы глухие,
На дубе, среди узловатых ветвей,
Дуду его спрятали люди лихие,
Чтоб больше уже не играли на ней.

Хочу я найти её в гуще зелёной
И с дуба рукой осторожно снять.
К губам поднести, чтоб от песни влюблённой

² Дуда – белорусский духовой народный инструмент наподобие волынки.

Так дрогнуло сердце, что слёз не унять!

Да только не сладить мне с песней старинной:
К губам не прильнёт непослушным она.
В лесу, где сомкнулась вершина с вершиной,
Я – ветка отныне на все времена.

Я слышу, как полнится плачем дубрава,
Как мечется ветер, кустарник клоня,
И молча глядящие слева и справа,
Деревья тесней обступают меня.

Радимичи

А предки мои своих мёртвых сжигали дотла:
Кресты не втыкали у плит обомшелых надгробных.
Лишь столб поднимался, один среди прочих подобных,
И сыпалась в амфору чёрным потоком зола.

И ставили амфору ту на верхушку столба,
Чтоб тленьем нетронут, доступен был взгляду любому
Мой предок... Вплотную к простору он был голубому.
К далёким минутам – ушедшая ближе судьба.

Лесное озеро³

Где синий бор? Где девственный песок?
Где озера сверкающее дно?
Я здесь живу печально и давно —
Так в ножнах спит заржавленный клинок.

Прохлада влагой ляжет на висок.
Остынет боль – увидёт в свои глубины.
Забуду всё. Лишь чёрные равнины,
Лишь звёзд хорал, трагичен и высок.

Скрутила жизнь: на родине – в плену —
Корю судьбу. Но край не прокляну!
И всё же как привыкнуть к лжи и лести?

Мне снова снится озеро и бор,
Вновь звёздами горит ночной собор.
Укрой меня, вода! Мы снова вместе!

³ Пер. Валерия Деркача

Прелюдия⁴

Когда не могу в беспросветной бездонной ночи
Найти основание хотя бы для крошечной веры,
Она возникает как тусклое пламя свечи —
Та женщина, что хороша и распутна без меры.

Волос её пряди, змеясь, расплзаются с плеч
И дюны грудей обогнув, припадают к коленям,
Приспущены веки, чтоб взглядом меня не обжечь,
Но жадные губы подрагивают в нетерпенье.

Я сонную одурь отринуть уже не хочу,
И тело её накрывает меня, как лавина,
И в чёрную бездну, теряя рассудок, лечу,
Ослепший, оглохший и слившейся с ней воедино.

Но даже туда, где бесчинствует яростно плоть,
На самое дно в удушающий мрак наслаждения,
Меня провожает сочувственным взглядом Господь

⁴ Пер. совместно с Мариной Куновской

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.